ПРАВОСЛАВНЫЙ РЕВЕЛЬ ПЕТРА I

ЕЛЕНА ПОГОСЯН
МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ-СМИРНОВА

ARGO

Оформление: Каспар Эльвест
Корректор: Елена Елиферова

Фотография на обложке: иконостас Ивана Зарудного в Преображенской церкви (фрагмент). Фото: А. Маасик.

© Е. Погосян, М. Сморжевских-Смирнова, 2019
© Издательство Argo, 2019
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

www.argokirjastus.ee

ISBN 978-9949-607-99-0
Отпечатано в типографии Print Best

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

ЧАСТЬ I
От Никольского иконостаса (1686 г.)
до иконы «Литургия Господня» (1711 г.)

Глава 1. Иконостас церкви Николая Чудотворца в Ревеле (1686 г.) . . . 16

1.1. Церковь Николая Чудотворца
«что за Свейским рубежем в Колывани» 16
1.2. Иконостас церкви Николая Чудотворца и его строители 30
1.3. Местный ряд иконостаса 37
1.4. Праздничный ряд иконостаса 47
1.5. Верхние ряды иконостаса 53

**Глава 2. «Реляция» о взятии Ревеля
и первое посещение города царем** 62

2.1. Рассказы об осаде Ревеля в ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.) . . . 63
2.2. «Рижаном в подарки апелсины»: осада Риги Августом II
в переписке Петра I и его окружения 66
2.3. Реляция о взятии Ревеля 1710 г. и ее метаморфозы в
«Книге Марсовой» и «Гистории Свейской войны» 72
2.4. Чудесное спасение русских пленных и прибытие
их в Ревель летом 1711 года 80
2.5. Петр I в Ревеле в декабре 1711 года 82

**Глава 3. Ревель – Дева в «Синаксаре» архиепископа
Черниговского Иоанна Максимовича (1710 г.)** 88

3.1. Черниговский архиепископ Иоанн Максимович 88
3.2. Завоевание обетованной земли Прибалтики в
«Синаксаре» Иоанна Максимовича 92
3.3. «Ревель Дева есть чиста» 98

Глава 4. «Яко аз на раны готов»: икона «Литургия Господня» из Никольского храма в Ревеле ... 106

4.1. Подпись иконописца и история создания иконы «Литургия Господня» ... 109
4.2. Трудный 1711 год в жизни Петра I ... 113
4.3. Икона «Литургия Господня» и алтарь Бернта Нотке из Духовой церкви Ревеля (1483 г.) ... 117
4.4. Сердце на иконе и культура барочной эмблемы ... 123
4.5. Гербовые иконы петровского времени ... 126
4.6. «Яко аз на раны готов» ... 133

Глава 5. «Как и словом обязался я»: царь Петр I, А.Д. Меншиков и Екатерина Алексеевна на иконе Таллиннского Никольского храма ... 142

5.1. «Сердце» А.Д. Меншикова на иконе «Литургия Господня» ... 142
5.2. Царская свадьба и брачные венцы на иконе ... 149

ЧАСТЬ II
Иконостас Ивана Зарудного в Преображенском соборе Ревеля (1719 г.)

Глава 1. Переосвященные шведские храмы и их иконостасы на землях Лифляндии и Эстляндии ... 166
1.1. Иконостас для Иоанновской кирхи в Дерпте ... 166
1.2. Иконостас Спасо-Преображенского собора в Нарве ... 169

Глава 2. История заказа и строительства иконостаса Преображенского собора в Ревеле ... 181

2.1. Михайловская церковь в Ревеле. История отъятия храма у лютеранской общины русскими властями в 1716 году ... 181
2.2. «Архитект» Иван Петрович Зарудный ... 187
2.3. «Таким маниром как зделан на Котлин остров» ... 192
2.4. История заказа и строительства иконостаса ... 195

Глава 3. Расположение икон в иконостасе Преображенского собора в Ревеле. Иконография ... 199
3.1. Расположение икон ... 199
3.2. Западноевропейские образцы икон Ревельского иконостаса ... 228

Глава 4. Рама иконостаса ... 233

4.1. Царские врата иконостаса: ветхозаветная скиния и храм Премудрости ... 233
4.2. «Вои небесные» на боковых вратах иконостаса ... 243
4.3. «Архитектурная» программа иконостаса ... 250
4.4. Надписи в иконостасе Зарудного ... 256

Глава 5. Царский иконостас ... 266

5.1. Российский герб в иконостасе ... 266
5.2. Кафедра проповедника ... 269
5.3. Святые покровители членов царской семьи в местном ряду иконостаса ... 275
5.4. Слово на Преображение Гавриила Бужинского (1719 г.) и иконы Преображения в Ревельском иконостасе ... 278
5.5. Св. Екатерина и Синайская тема в культуре петровского времени ... 286
5.6. Крошки Господней трапезы в проповеди Гавриила Бужинского 1718 года ... 291

Глава 6. И.П. Зарудный и споры об иконописи второй половины XVII – начала XVIII вв. ... 297

Заключение: "Terrae amor et decus" ... 314

Использованная литература ... 330

Именной указатель ... 342

Об авторах ... 351

ВВЕДЕНИЕ

Всякий завоеванный город – свидетельство того, как монарх-завоеватель строит свою идеологическую программу и свой образ победителя или освободителя. И чем значительней для него город, тем сложнее эта программа и этот образ.

Города, взятые Петром I в ходе Северной войны и уже после Полтавской битвы, имели для царя особое значение. Это был выход за пределы «отеческих» территорий. До этого момента царь «возвращал» старые русские города, некогда захваченные врагами: Нотебург – Орешек (сегодняшний Шлиссельбург), Нарву – Ругодив или Дерпт – Юрьев (сегодняшний Тарту). Обход крепости с крестным ходом по стене, восстановление храмов и «освобождение» спрятанных от врагов икон превращали занятые в ходе военных действий города снова в свои – русские и православные. Победы 1710 г., когда были взяты такие важные крепости, как Выборг, Рига и Ревель (сегодняшний Таллинн), имели совсем иной характер: Петр I воевал теперь не на своей земле, завоеваны были чужие города, и перед идеологами царя стояла задача построить новые сюжеты для описания этих городов и новые ритуалы для их освоения и присвоения. Важной частью этого процесса было создание *своего* православного пространства в *чужом* лютеранском городе. Старые русские купеческие церкви, если они стояли во вновь завоеванных городах, только на первых порах играли здесь заметную роль: они были незначительными и незаметными. Возникла потребность в создании новых храмов, достойных представлять победителя.

Петра I с ранних лет увлекали и привлекали европейские города. Для маленького царевича Петра по приказу его матери царицы Натальи Кирилловны были взяты из Посольского приказа «все исторические

книги с кунштами <…> многих знатных во вселенной городов». В Москве Петру были доступны и другие издания, в которых он мог найти описания и изображения европейских городов: «чертежи розных государств» (из библиотеки царя Федора Алексеевича), книги «чертежныя палатам и источникам каменным», «описание ворот чести в Гаге учиненных ко приезду Вилгелму Аглинскому, Скотскому, Францускому», «Обозрение всего света» Дж. Ботеро, четырехтомный иллюстрированный атлас «Позорище всея вселеныя» В. Блеу и т.д. (Евсина: 11, 21–22).

Этот интерес вырос и укрепился во время Великого посольства – первого европейского путешествия царя (1697–1698). Петр проехал через десятки курляндских, немецких, голландских городов. М.М. Богословский так описал места, которые царь проезжал на обратном пути:

> …посольство возвращалось прежней дорогой, через те же небольшие городки западной Германии, которые он уже видел, направляясь в Голландию… Впечатления о них успели уже, вероятно, сложиться в представлении Петра в более или менее общий тип небольшого города западной Германии, расположенного среди зеленеющего виноградниками ландшафта, с готическим или романским собором, ратушей и рыночной площадью в центре, с готическими фасадами и черепичными крышами домов, часто со средневековым замком с башней или с развалинами замка на возвышенности около города (Богословский: 438).

Историки Дмитрий и Ирина Гузевичи остроумно описали Великое посольство Петра I как одновременно военную операцию и торговую сделку:

> Было бы легкомысленно рассматривать массив знания, разом перенесенного в Московию в результате Великого посольства, как исключительно прагматический. <…> Мы не утверждаем, что царь и та часть его окружения, которая руководила захватом и переносом знания в 1697–1698 гг., были в состоянии широко осваивать художественное знание, впрочем, как и научное. Однако в той «корзине», которая была перемещена в Россию, оказалось и оно тоже (Гузевич Д., Гузевич И.: 120).

Посольство «захватило» знания из самых разных областей. Реже историки говорят о «городской цивилизации» Северной Европы в целом, об устройстве городов, городского быта. Но царь хотел завести в своем царстве не только морское и военное дело, науки и искусства, он хотел завести европейские города. Так, например, в российских городах с 1699 г. по указу царя на манер европейских появились бурмистры и были устроены ратуши. Северная война неожиданно подала иные средства к заведению европейских городов: вместо того, чтобы «захватить и перенести знания» о них, можно было захватить города и таким образом непосредственно «перенести» их в Россию.

Во вновь захваченных городах появляются российские гарнизоны и российская администрация. И, разумеется, здесь появляются православные храмы. Эти храмы удовлетворяют не только религиозные потребности постоянно растущего православного населения. Для них пишутся иконы и строятся иконостасы, в которые включается российская государственная символика. Здесь проходят богослужения, и ежегодно 27 июня звучит «Служба благодарственная о великой победе под Полтавой», в которой лютеране-шведы предстают как враги святого креста, лжехристиане и «посмеятели» божественных икон. Здесь произносятся проповеди, восхваляющие победы российского монарха, здесь оглашаются царские указы. То есть эти храмы неизбежно выполняют и идеологическую функцию. Но с такой же неизбежностью сочинения проповедников впитывают и повторяют элементы местной городской мифологии, символики и геральдики, а иконостасы устраиваются с ориентацией и на местного наблюдателя. Православные храмы, таким образом, становятся центрами, вокруг которых и создаются сюжеты «освоения» города.

Предлагаемая читателю книга посвящена Ревелю в первые годы по взятии его в ходе Северной войны. Мы попытаемся в ней шаг за шагом проследить, как в 1710–1725 гг., то есть при жизни Петра I, создавалась православная составляющая сакрального и идеологического ландшафта Ревеля. Речь пойдет не столько о событийном плане, хотя к нему нам придется время от времени обращаться. В центре нашего внимания будет план семиотический, сюжеты и символы, вырастающие вокруг русских православных центров в чужом – европейском и лютеранском – Ревеле. В первую очередь, конечно же, нас будет интересовать позиция их создателей: иконописцев, составителей церковных служб, проповедников. В конечном итоге, речь пойдет о Ревеле, отраженном в зеркале официальной православной культуры петровского времени.

Чтобы не терять нить повествования, мы постараемся не уходить далеко от ревельских сюжетов, и потому не будем касаться более широкого контекста официальной культуры Петровской эпохи. Тем не менее, чтобы хоть немного расширить рамки повествования и связать его с тем, что происходило за стенами «славного города Ревеля», в книгу включены несколько небольших отступлений: о том, как были представлены в русской культуре первая свадьба Петра I и осада Риги, о гербе А.Д. Меншикова, о спорах в Сенате и Синоде «об исправлении иконного изображения» и пр.

Говоря о событиях конца XVII – начала XVIII вв., мы будем называть города и местности так, как они назывались в это время в окружении Петра I и как они были названы в источниках, к которым мы обращаемся. Соответственно, мы будем называть сегодняшний Таллинн Ревелем, а иногда Колыванью. Следуя этому же принципу, мы будем называть Петра I царем до момента принятия им титула императора в 1721 г. и императором, когда речь будет идти о событиях 1721–1725 гг. Говоря о России до 1721 г., мы будем употреблять термин «царство», а после 1721 г. – «империя».

Приводя цитаты из текстов церковных служб и проповедей, надписи на иконах и иконостасах, мы будем сохранять орфографию источника. В конце XVII – начале XVIII в. часто (и даже в одном документе) одно и то же слово могло писаться по-разному; при цитировании мы будем сохранять неустойчивые формы написания слов. Слова, написанные в оригинале «под титлом», как, например, «Брдца» (Богородица) или «цр» (царь), мы будем приводить полностью. При передаче текста мы будем следовать «Методическим рекомендациям по изданию Актов Российского государства» (Каштанов: 143–232).

Основу этой книги составили работы ее авторов Елены Погосян и Марии Сморжевских-Смирновой, опубликованные в разное время, исправленные и дополненные (Погосян 2004а, 2012, 2012а, Сморжевских-Смирнова 2013, 2013а; Погосян, Сморжевских-Смирнова 2009, 2011, 2012; Jelena Pogosjan, Maria Smorzhevskihh-Smirnova).

Первая часть книги построена вокруг произведений церковного искусства, ныне хранящихся в Таллиннской Никольской церкви. Авторы выражают благодарность настоятелю этой церкви протоиерею Олегу Вроне за разрешение на фотосъемку в храме, а также алтарнику Игорю Корнееву за помощь в работе с иконой «Литургия Господня» и в прочтении неразборчивых надписей. Авторы также благодарят реставраторов иконы

«Литургия Господня» Николая Ивановича Кормашова и Ореста Кормашова за предоставленные фотоматериалы. Вторая часть книги посвящена преимущественно иконостасу, хранящемуся в Таллиннской Преображенской церкви. За разрешение на фотосъемку в этом храме авторы выражают признательность настоятелю этой церкви отцу Александру Сарапику. Мы также благодарим реставрационную мастерскую «Канут» за предоставление фотоматериалов, относящихся к иконостасу Преображенской церкви. За помощь в подготовке книги к печати мы выражаем благодарность Марии Кутузов и Эдуарду Смирнову.

†

ЧАСТЬ I

ОТ НИКОЛЬСКОГО ИКОНОСТАСА (1686 г.) ДО ИКОНЫ «ЛИТУРГИЯ ГОСПОДНЯ» (1711 г.)

ГЛАВА 1.

ИКОНОСТАС ЦЕРКВИ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В РЕВЕЛЕ (1686 г.)

Первый год после капитуляции Ревель имел принципиальное значение для формирования облика этого города в русской официальной культуре, в том числе и в православной. Кульминацией стало первое посещение города монархом в декабре 1711 г. Поэтому нашей первой остановкой, точкой, из которой мы попробуем увидеть «православный Ревель», и будет декабрь 1711 г. К этому моменту кроме краткой реляции о взятии города, напечатанной через месяц после капитуляции, о Ревеле идет речь только в одном сочинении – «Синаксаре» Черниговского архиепископа Иоанна Максимовича, изданном в декабре 1710 г. Центром «православного Ревеля» в этот первый год был старый купеческий храм св. Николая с иконостасом 1686 г., слегка поновленным к приезду монарха, и новой иконой «Литургия Господня», написанной к декабрю 1711 г. На этих произведениях мы и остановимся в первой части книги: начнем разговор с иконостаса 1686 г., потом обратимся к реляции о взятии города, «Синаксарю» и иконе «Литургия Господня».

1.1. ЦЕРКОВЬ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА «ЧТО ЗА СВЕЙСКИМ РУБЕЖЕМ В КОЛЫВАНИ»

Никольская церковь, расположенная сегодня в Таллинне на улице Вене (Русской), была выстроена в начале XIX в. (илл. 1). До нее на этом же месте

Илл. 1. Никольская церковь в Таллинне. Фотография Е. Погосян.

уже в XV в. находилась старая купеческая[1] церковь. Сведения о ней, рассыпанные в летописных и дипломатических источниках, были впервые собраны М.Т. Иконниковым, который в 1889 г. издал небольшую книжку «Православная церковь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского в г. Ревеле». В 1894 г. Александр Барсуков опубликовал подборку документов Ревельского городского архива, среди которых есть ряд упоминаний Никольской церкви. Приведем несколько известий, которые непосредственно касаются самой церкви, ее причта и прихожан.

В 1491 г. Ревельский магистрат в письме к ливонскому магистру на запрос о положении русской церкви в городе сообщал:

> На это поставляем Вашу милость в известность, что мы, не говоря об общем мирном договоре со страною, имеем с Новгородом и русскими землями особый мир, в котором условлено, чтобы все пункты и статьи держать по старине <…> Их церковь называется Николаевскою церковью, и при ней под одною крышею стоит дом, в котором они хранят свои товары и производят собрание (собственно попойки). Так было изначала, так оно существует и теперь. Печки же, которую они требуют иметь там, не было в старину, почему ее и нельзя поместить. Надеемся, что по этим причинам не произойдет войны (Иконников: 8–9).

Другой интересный документ относится к периоду обострения отношений между Ревелем и Новгородом около 1493 г. В Ревеле за «гнусное преступление» был публично сожжен какой-то русский – имени его мы не знаем. Более того, горожане утверждали: «Мы сожгли бы и вашего Великого Князя, если бы он сделал у нас то же самое!» Слухи об этом дошли до великого князя, и в отместку за такую дерзость все немецкие купцы в Новгороде были посажены в темницу, а товары их конфискованы. Ревель ответил тем же (Иконников: 16–17). В челобитной, обращенной к городскому магистрату, священник Никольской церкви писал из заключения:

---

1 Краткий обзор литературы, посвященной феномену «купеческой церкви» (Ecclesiae Mercatorum) дает Анти Селарт в своей работе «Православные церкви в средневековой Ливонии» (Selart: 275–276). Особенностью таких церквей является то, что они принадлежат купеческой общине и используются не только для богослужений, здесь также хранятся товары, ведутся торговые переговоры и заключаются сделки.

> Осподе нашем посадникам и ратманам Колыванским. Священник да и купчины великаго князя вам <…> челом бьем со слезами. Сидим господине у Бога да и у вас уж будет в понедельник двенадцать недель, а не слыхали есмя, господине, никакого слова себе, ни грамоты <…> Пожалуйте, господине посадники и ратманы, смилуйтесь, велите дать нас на поруку, чтобы мы, господине, у вас ходили добровольно, доколе вам, господине, будет мир (Иконников: 17).

Последние слова – «доколе вам, господине, будет мир» – очень точно характеризуют положение русских купцов в Колывани – Ревеле, впрочем, как и немецких в Новгороде. Соответственно, и в истории Никольской церкви были периоды, когда ее закрывали, имущество отбирали, причт вместе с купцами заключали в тюрьму; но потом приходили времена, когда дипломатические неурядицы отступали, торговля шла хорошо, и церковь чинили, перестраивали, украшали.

Из документов Ревельского архива (челобитных, контрактов, писем русских купцов из Ревеля домой), опубликованных Барсуковым, мы знаем, что торговля была опасным ремеслом: суда гибли не только от непогоды, бывало и так, что на суда в море нападали, отбирали товар, купцов убивали. Так, например, около 1525 г. Иван Шуйга Игнатьев жалуется:

> <…> был на Колывани с товаром, да и торговал, и послал лодью свою к Ивангороду с товаром; и за четыре мили от Колывани, на Немецком берегу, и пришли <…> на лодью многие люди Немцы и Чюхны земские и учали <…> грабити <…> а грабежу взяли из лодье: пол-3 ласту меду, да 2 бочки пресного пруского, да 4 ласту без меха соли, да 4 бочки болших бастру (сахара. – *Е. П., М. С.-С.*), да из четырех бочек выпили красного вина <…> коробью с платьем, а в коробье икона на золоте, да шуба белья (Барсуков: 35–36).

Иногда в документах попадаются и сведения, имеющие отношение к причту Никольской церкви. Так, сохранилась челобитная священника Никольской церкви в Ревеле, также относящаяся к 1525 г.: «бил челом государю богомолец его поп Онтоней, что служил чудотворцу Николи на Колывани». Жалобщик по пути из Колывани в Ивангород лишился «коробья» со всеми своими пожитками и хлопотал об их возвращении (Барсуков: 31).

В период Ливонской войны Никольская церковь, конечно же, оставалась закрытой. Только после мирного договора 1595 г. в церкви было разрешено возобновить службы. Русские купцы приезжали в город по торговым делам и потом возвращались домой. Уезжая же, они оставляли храм под присмотром городского Магистрата, составляя при этом описи церковного имущества. К сожалению, сведения об иконах, находившихся в церкви, сохранились только в одной описи. Она была составлена в мае 1619 г. и гласила:

> Роспись на Чудотворца Николая, <…> образ Пречистой Богородицы обложен серебром, да образ местнаго Чудотворца Николая, да Предтичи Ивана, да Климента папы Римск. <…> да прикладу у вобразов четыре кресты, да двои серьги, да два золотых, свеча большая местная, шандаль серебр. позолочен. Царскаго даяния, да шесть свечей местных больших да двенадцать свеч ветвяных больших, <…> да паникадило большое свечами, да два паникадила меньших, да два блюда оловянных, да рукомой, да три котла, да стопа оловянная, да три Евангелия напрестольных, да книги церковныя все, да двои риз и стихари, да потрахел, да три кадила медных, да крест воздвизальный обложен серебром. Сию роспись писал Иван Харламов своею рукою (Иконников: 59).

Названные здесь иконы не сохранились. А вот позолоченный «шандаль <…> Царскаго даяния», упомянутый в описи, и сейчас находится в Никольской церкви. Это был «дар Бориса Годунова – большой серебряный подсвечник, полученный в 1599 году. Со временем часть царского подарка была утрачена, а до наших дней сохранилась, переделанная в лампаду, основная часть с дарственной надписью» (Кормашовы, Пантелеев: 16).

В описи названы четыре иконы: «образ Пречистой Богородицы обложен серебром, да образ местного[2] Чудотворца Николая, да Предтечи Ивана, да Климента папы Римского». Эти четыре иконы сами по себе не могли составить полного иконостаса: здесь нет даже иконы Спасителя. Откуда же тогда брались остальные иконы для иконостаса? Выскажем осторожное предположение. Русские купцы, приезжавшие в Ревель, привозили иконы с собой (мы видели, например, что Иван Шуйга Игнатьев брал с собой в Ревель «икону на золоте»): иконы хранили купцов в дороге и помогали им в торговых делах. Приехав, купцы помещали свои иконы в церковь.

2 «Местного», то есть предназначенного для нижнего, «местного» ряда иконостаса.